

Илларионов Григорий Андреевич

ПРОБЛЕМА МЕТОДА ФИЛОСОФИИ ПИТАНИЯ: АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

Статья посвящена проблеме методологии философии питания как возможной метапредметной области комплексного исследования пищи. Используя метод структурного анализа, автор рассматривает первичное множество систем питания, в которых выделяется устойчивое архетипическое отношение, заключающееся в дорациональном символическом тождестве поглощающего и поглощаемого. Выделенное отношение рассматривается как возможная методологическая основа для исследований в рамках философии питания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 1. С. 93-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

18. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры: записки педагога. Изд-е 5-е. М.: Музыка, 1988. 240 с.
19. Нейгауз Г. Размышления, воспоминания, дневники. М.: Советский композитор, 1983. 526 с.
20. Фейгин М. Э. Индивидуальность ученика и искусство педагога. М.: Музыка, 1968. 80 с.
21. Холопова В. Н. Музыка как вид искусства: учебное пособие. СПб.: Лань, 2000. 320 с.
22. Цыпин Г. М. Музыкант и его работа. Проблемы психологии творчества. М.: Сов. композитор, 1988. 382 с.
23. Шаляпин Ф. И. Маска и душа // Федор Иванович Шаляпин: сборник: в 2-х т. / ред. Е. А. Грошева. М.: Искусство, 1959. Т. 1. Литературное наследство, письма. С. 213-312.
24. Шведерский А. С. Можно ли научить тому, чему нельзя научить? // Психология художественного творчества: хрестоматия. Минск: Харвест, 1999. С. 387-400.
25. Ямпольский А. И. Ауэр и современное скрипичное искусство // Ауэр Л. Моя школа игры на скрипке. Интерпретация произведений скрипичной классики. М.: Музыка, 1965. С. 3-25.

ARTISTIC RESULT AS A BACKBONE FACTOR OF THE ARTIST'S PROFESSIONAL ACTIVITY

Ivonina Lyudmila Fedorovna, Associate Professor
Perm State Institute of Culture
ivoninaluda@gmail.com

The article deals with the backbone properties of artistic result in musical-performing activity. Artistic content is embodied through the system of expressive means, which implement their function with the help of performing skills. Thus, in solution of artistic problems artists also improve their instrumental skills, thinking skills that leads to interaction of all the elements of the structure of professional activity in the integral process of artistic creativity.

Key words and phrases: musical performance; artistic content; performing skills; system approach; analytical approach; professional activity; creativity; artistic education; backbone factor.

УДК 1; 17:172

Философские науки

Статья посвящена проблеме методологии философии питания как возможной метапредметной области комплексного исследования пищи. Используя метод структурного анализа, автор рассматривает первичное множество систем питания, в которых выделяется устойчивое архетипическое отношение, заключающееся в дорациональном символическом тождестве поглощающего и поглощаемого. Выделенное отношение рассматривается как возможная методологическая основа для исследований в рамках философии питания.

Ключевые слова и фразы: социальная психология питания; семантика питания; философия питания; методология философии питания; система питания; архетип.

Илларионов Григорий Андреевич, к. филос. н.
Сибирский федеральный университет
Bromov1917@yandex.ru

ПРОБЛЕМА МЕТОДА ФИЛОСОФИИ ПИТАНИЯ: АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА

Питание чрезвычайно проблематизировано в современном мире. Проблемы неправильного питания активно прорабатываются наукой. Пища служит инструментом политики (например, злободневные санкции). Социальные практики телесности как результат определенного типа питания порождают многочисленные аберрации – от культа болезненной худобы до массового, не менее болезненного ожирения. Питание становится основой идентичности и системообразующим фактором для складывания социальных групп: вегетарианство, сыроедение и т.п. Проблематика питания крайне актуализирована.

Будучи базовой физиологической потребностью, пища всеобъемлюща. Нет в социуме сферы, где не стоит вопрос питания. Это делает его объектом исследования невероятной широты: любое проявление социальности содержит в своей структуре элемент практик питания.

Исследования питания многообразны. Медицина изучает влияние процесса питания на организм и разрабатывает оптимальные его методы. Социология питания изучает отношения в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания. Социальная психология изучает процесс выбора человеком способов питания и факторы, на него влияющие. В философии проблематика питания часто затрагивается, но в связи с отсутствием особого раздела, «философии питания», не существует единого понимания специфики философского подхода к такому объекту.

Это обуславливает потребность в философском осмыслении и формировании подхода к проблематике питания и ее влиянию на более широкие контексты социокультурных проблематик.

Объектом нашей работы является питание как процесс удовлетворения базовой физиологической потребности и соответствующие социальные практики.

Предмет работы – системы питания как исторически сложившиеся нормативные формы социальной практики питания.

Цель работы: определение базовых оснований формирования и изменения систем питания человека и их динамики.

Достижение поставленной цели подразумевает решение следующих **задач**:

1. Определение базового отношения системы питания и «гастрономической идентичности».
2. Выделение системообразующего отношения структуры пищевых систем и «гастрономической идентичности».
3. Обозначение характера современного состояния сферы «гастрономической идентичности» в общей структуре идентичностей современного субъекта.

Методологической предпосылкой работы является метод структурного анализа, предусматривающий выделение исходного множества объектов, разделение их на первичные сегменты и выделение типичных системообразующих отношений между сегментами; совмещенный с идентичностным подходом, определяющим общество через иерархическую систему идентичностей.

Гипотезой исследования является предположение, что определяющим фактором любой системы питания является иррациональный архетип тождества между потребляемой пищей и потребляющим ее индивидом.

Выбор конкретным индивидом своего рациона и способов его употребления в современной социальной психологии пищи принято именовать пищевым поведением. Система питания – это структура пищевого поведения в его конкретно-исторических формах, совокупность общественных представлений о питании.

Данное понятие включает как практики питания, исторически присущие определенным социокультурным общностям – религиозным, этническим, – так и целенаправленно созданные. Их можно условно разделить на инклюзивные, т.е. являющиеся частью более широкого дискурса (религиозного, этнического, экономического), и конструктивистские, т.е. являющиеся продуктом целенаправленного конструирования. Разница между ними состоит в том, что инклюзивные системы питания всегда направлены за пределы собственно питания, их цель лежит в иной сфере: питание реализует нормы этноса, религии, социальной группы. Символика и процесс питания всегда является отсылкой к чему-то за его пределами, питание есть атрибут большей системы. Например, кашрут или халяль являются неотъемлемыми атрибутами своих религиозных систем, но не их сущностью. С другой стороны, они не могут существовать вне своих систем: невозможно говорить о кашруте вне иудаизма или об аутентичных пищевых этнических практиках вне этничности.

Конструктивистские системы питания создаются целенаправленно. Они становятся символическим центром, вокруг которого структурируются прочие представления – этические, аксиологические, целерациональные. Так, примерно в XIX веке вегетарианство становится самостоятельной системой, отделившейся от своего центра. Оставаясь в одних сообществах инклюзивной системой питания, в других вегетарианство стало полунезависимым системообразующим центром. Так, например, появились не «джайнистские ценности вегетарианства», а «вегетарианские ценности», которые вполне могут существовать как самостоятельная система.

Данное разделение является исследовательской условностью. Мы не найдем в истории абсолютно инклюзивных систем, не содержащих конструктивистского компонента, или абсолютно конструктивистских, не вписанных в более широкий социокультурный контекст систем. Речь идет скорее о преобладании одного или другого компонента.

Из этого можно сделать вывод, что даже самые целерациональные системы питания, например разновидности медицинской диетологии, могут быть отнесены к первичному множеству систем питания наравне с традиционными, поскольку даже они функционируют в рамках инклюзивных предпосылок тех сообществ, где они приняты и формируются.

Таким образом, мы можем определить все системы питания, независимо от их генезиса, как первичное множество структуры рассматриваемого нами предмета. Однако здесь мы попадаем в область огромного исторического разнообразия форм питания, отношения к нему, связанных с ним социальных практик. От архаичных обществ до современных постмодерных культур питание принимало бесконечно разнообразные формы.

Для структурного анализа пищевых систем необходимым представляется релятивизировать конкретно исторические различия в формах питания, не сводимых при этом к специфике физиологических процессов. Разумеется, физиологическая сторона питания универсальна для рода человеческого, однако она не дает нам адекватного понимания структур, связанных с питанием в социальных практиках.

В силу своей всеобщности питание есть нечто архетипическое. Понятие «архетип» мы в данном случае используем в его наиболее общем значении – как нечто дорефлективное и универсальное, принципиально не теряющий актуальности коллективно-бессознательный паттерн человеческой социальности. Соответственно, для выделения основы архетипа – дорефлективного ядра систем питания – необходимо выделить базовое и повторяющееся в конкретно-исторических формах отношение.

Таким отношением, по нашему предположению, является отношение символического тождества питающегося и пищи. Это невольно вызывает в памяти знаменитую сентенцию Л. Фейербаха [4, с. 462-463] «Человек есть то, что он ест», написанную им в рецензию на работу «Популярное учение о питательных продуктах» материалиста Якоба Молешотта. Возникает логичный вопрос: в чем именно заключается в данном случае отношение тождества, лежащее в основе выделяемого архетипа?

Французский философ Э. Левинас [3, с. 134] писал, что «Пища как средство укрепления – это превращение иного в Тожественное». Пища как нечто иное по отношению к питающемуся, поглощаясь им, дополняет собой его самого. Питающийся, испытывая состояние несамотождественности, которое Левинас ассоциирует с голодом, всегда стремится к тождеству. Превращая иное-пищу в тождественное, питающийся испытывает наслаждение, переживая осуществление своего тождества. Голод и наслаждение как бинарные оппозиции процесса непрерывного становления тождества человеческого «Я» – вот основа феномена пищи по Левинасу.

Тождество возникает и осуществляется лишь в процессе поглощения. То, что идентифицируется как пища, то, что может быть поглощено в потенции, не воспринимается как нечто тождественное себе. Оно становится частью «Я», лишь будучи поглощенным. Отношение поглощения создает тождество, вне непосредственного поглощения (даже символического) тождество не может быть реализовано и пища остается лишь внешним объектом.

Речь идет, конечно, не о конкретной форме пищи или конкретном акте ее поглощения. Бессмысленно, разумеется, говорить о буквальном тождестве между конкретной, поглощаемой в конкретный момент пищей и поглощающим ее человеком. Речь идет о питании как структуре, совокупности. Именно поэтому имеет смысл говорить о системе питания, а не конкретных ее актах.

Интересно, что архетип тождества поглощаемого и поглощающего из сферы питания распространяется далеко за пределы гастрономической сферы. Любопытна в этом смысле цитата поэта И. Бродского [12, р. 3], являющаяся небольшой корректировкой цитаты Л. Фейербаха: «Человек есть то, что он читает». То есть отношения питания, голода и наслаждения экстраполируются на сферу, с физиологическим питанием прямо не связанную, – на сферу восприятия и переработки информации. Вновь мы видим тождество «поглощаемой» информации в том или ином виде и «поглощающего» ее человека. Это можно трактовать как косвенное подтверждение архетипической природы питания, ведь мы видим вполне дорефлективное, языковое уподобление двух весьма различных по характеру и результату процессов.

Встает вопрос: на каком основании в таком случае мы ставим пищевое отношение поглощения на первое место? Почему питание есть исходная форма поглощения, архетипическим воспроизведением которой являются прочие типы поглощения?

Ответ на этот вопрос можно найти в психоаналитических исследованиях в области питания. Например, классики детского психоанализа Ф. Перлз и В. Франкл [5; 11] рассматривали отношения между ребенком и матерью, являющиеся основой формирования индивидуальности, через призму понятия интроекции – заглывания внешнего объекта. Грудь матери как объект интроекции и питания становилась источником первого негативного и позитивного опыта в случае отказа или удовлетворения потребности ребенка.

Взгляды психоаналитиков для нас важны в двух аспектах. С одной стороны, их исследования имеют своим основанием научные методологии и в этом смысле вполне когнитивны. С другой стороны, мы не можем не увидеть здесь все то же архетипическое отношение тождества – на этот раз коммуникативное – пищевые паттерны определяют паттерны коммуникации.

Таким образом, наша гипотеза получает косвенное подтверждение в рамках работ других авторов. Но вернемся к нашему первичному множеству объекта – системам питания.

Они как объект сложны для индуктивного анализа вследствие бесчисленности единиц этого множества. В данном случае для подтверждения гипотезы мы можем лишь взять несколько примеров систем питания разных эпох.

Начать логично будет с архаических времен. Возникновение гастрономической культуры вообще часто связывают с табу на каннибализм, который является некоторой исходной точкой представлений о питании.

Архетипическое тождество поглощения двойственно в каннибализме. С одной стороны, для архаических обществ каннибализм есть высшая форма агрессии, доминирования человека над человеком. Исследователь архаических военных традиций М. Дейви [2, с. 46-64] на многочисленных примерах показывает, что каннибализм – нечто иное, чем просто удовлетворение голода. Это целенаправленная социальная потребность в поглощении чужаков, которой подчас подчинена вся социальная организация племен. Съедая противника, дикарь не просто поедает его тело, он поглощает его «сущность», делая ее аспектом себя. С появлением табу на каннибализм этот обычай не исчезает, но приобретает символический характер (например, эпизод из «Повести временных лет», где говорится, что печенежский хан Куря сделал чашу из черепа Святослава, желая перенять его силу и храбрость [7, с. 19]).

Табу на каннибализм придало поеданию человека человеком статус инфернальной силы. В мифологии каннибализм часто выступает как источник зла, несовместимый с нормальным порядком вещей и ходом событий. В древнегреческой мифологии, например, в мифах о Тантале и Кроносе, каннибализм всегда приводит людоеда к фатальным последствиям [1, с. 5]. Акт каннибализма становится актом нарушения собственной природы, впуская в себя инфернальную силу. Ярким примером служит миф индейцев-алгонкинов о вендиге – человеку, становящимся злым духом в результате акта каннибализма. Нарушив табу, человек становится «демоном» [13, р. 67].

В христианстве мы также без труда сможем обнаружить искомое подтверждение. С очевидностью бросается в глаза одно из Таинств – Евхаристия. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова? (1 Кор. 10:16). Архетипичность трапезы Тайной вечери, где посредством пищи участники приобретают онтологическую связь, – вот христианский вариант тождества.

В Новое время наиболее ярко представления о тождестве питания проявились в натуралистическом материализме, который Ф. Энгельс [4, с. 462-463] назвал «вульгарным». Если телосность – единственное субстанциональное содержание человека, то питание – основная форма реализации его природы. Человек – это продукт химических процессов и тождественен потребляемым им веществам даже не в символическом или мистическом, а в биохимическом смысле. Человек есть то, что он ест.

Это позволяет иначе взглянуть на современные научные системы питания, которые, в отличие от этических (вегетарианство, веганство) или религиозных систем, претендуют на объективность, свободу от иррациональных

предпосылок. Однако мы можем видеть, что в истоках своих медицинские исследования питания исходили из вполне архетипического тождества, существовавшего задолго до появления «научного» подхода. «Научные» концепции питания принципиально не отличаются в своей сути от «ненаучных», поскольку имеют общую предпосылку. В этом смысле св. Серафим Саровский [9, с. 45], говоривший, что «правильное» питание нужно для того, чтобы помогать душе в ее добродетельных устремлениях, делает тот же самый вывод, что и вульгарные материалисты, говорившие, что правильное питание и есть источник добродетели тела, а значит, и его производного – духа.

С появлением в XIX–XX вв. тотальных идеологий возникли и соответствующие им системы питания. Эта тематика подробно проанализирована в монографии И. В. Сохань [8] «Тоталитарный проект гастрономической культуры». Каждая из идеологий выдвигала соответствующую тотальную систему питания. На примере сталинского СССР показано, как гастрономия становилась одним из преобразующих культуру системных факторов. Тотальной социальности соответствует тотальная гастрономия. Эта тотальность рационалистична, сциентична.

С кризисом рационализма тотальность систем питания меняет свой характер. Постмодерн порождает ситуацию, которую Г. Л. Тульчинский [10, с. 35–53] назвал ситуацией Телоцентризма, выражающейся в потребительстве, сексуальной акцентуации, культе здоровья. Фаст-фуд как крайняя форма пищевого потребительства лишает пищу семиотического содержания, разрывая смысловые гастрономические культурообразующие связи. Пища фаст-фуда не содержит символичности, являющейся отсылкой к чему-то за пределами собственно питания.

Но если пища лишается смысловой нагрузки, становясь лишь объектом потребления, то ее обретает сама система питания. Культ тела сделал постмодерного человека одержимым стремлением к определенному, сексуально обусловленному образу телесности, которая, в свою очередь, определяется преимущественно способом, системой питания. «Здоровый образ жизни» непременно подразумевает систему «здорового питания», которая становится одной из важных составляющих иерархии идентичности человека.

Если телесность является одним из ключевых факторов социального престижа, целеполагания человеческой деятельности, то питание как конструирование телесности ему тождественно. Престиж равен телесности, телесность равна питанию. Несмотря на кажущийся рационализм такого подхода, мы видим сохранение архетипа тождества.

Возникает ситуация, когда для человека постмодерна система питания становится не атрибутом его идентичности, а самой идентичностью. Люди, идентифицирующие свое социальное бытие с системой питания непосредственно, без этнического или религиозного основания, – вегетарианцы, сыроеды и т.п. Ожирение становится социальной проблемой, заходит речь о дискриминации, социальной природе ожирения, т.е. ожирение становится формой идентичности. То же самое можно сказать и об обратном явлении – дефиците веса, различается только их социальная оценка.

Проследив наш гипотетический архетип до настоящего момента, мы можем сделать вывод, что у нас есть основание говорить о паттерне тождества в структурах питания человека. Разумеется, мы не можем утверждать, что этот паттерн есть структура целиком – без сомнения, это лишь одно из отношений, поскольку в любом из рассмотренных нами исторических примеров есть масса других своеобразных структурных связей, которые мы не затронули.

Представленный подход в случае своего применения способен дать результаты, которые можно выделить на нескольких уровнях.

На уровнях конкретных дисциплин он способен обогатить методологии социологии пищи, социальной психологии пищи, культурологии. Проблематика выбора пищи, проблематика идентичности в ее связи с питанием, проблематика пищи как потребности и как ценности – гипотеза архетипа тождества человека и его питания позволит иначе взглянуть на каждый из этих объектов исследования.

На уровне философии гипотеза позволяет найти опору для построения метапредметной философии пищи как области, преодолевающей ограничения биологизма медицины, идеологизированности диетологии, экономизма социологии, субъективистского рационализма социальной психологии. Гипотеза, будучи использована как основа для метода, способна проявить себя в объединении и актуализации результатов отдельных наук в изучении пищи в единую систему, что может стать задачей философии пищи.

И, наконец, гипотеза архетипа тождества способна стать средством рефлексии процессов нашего социального бытия, трактовки процессов, происходящих вокруг нас. Мы окружены заверениями в счастье, даруемом рекламируемой пищей. Мы слышим бесконечные призывы к «здоровому питанию». Мы пугаемся пищевыми кошмарами о фаст-фуде, ГМО, ужасах ожирения или анорексии. Для миллионов людей во всем мире, ставящих свою идентичность выше этнической, религиозной или даже половой, например, вегетарианцев, питание стало основой самоидентификации. И главная ценность, которую мы предполагаем в нашей гипотезе, заключается в ориентационном, структурном ориентире, когнитивном позиционировании, средством которого может стать предложенная трактовка.

Список литературы

1. **Воеводский Л. Ф.** Каннибализм в греческих мифах: опыт по истории развития нравственности. М.: Книга по Требованию, 2011. 408 с.
2. **Дейви М.** Эволюция войн. М.: Центрполиграф, 2009. 382 с.
3. **Левинас Э.** Избранное. Тотальность и бесконечное. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
4. **Новая философская энциклопедия:** в 4-х т. / Ин-т философии РАН; науч.-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. I. А-Д. 736 с.

5. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия. М.: Смысл, 2000. 358 с.
6. Пигров К. С. «Быть» значит «есть» // Философские пиры Петербурга: сборник. СПб., 2005. С. 6-14.
7. Плетнёва С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.
8. Сохань И. В. Тоталитарный проект гастрономической культуры (на примере сталинской эпохи 1920-1930-х гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2011. 230 с.
9. Степашкин В. А. Преподобный Серафим Саровский: предания и факты. Изд-е 3-е, испр. и доп. Саров: ЗАО «ИНФО», 2009. 264 с.
10. Тульчинский Г. Л. Слово и тело постмодернизма. От феноменологии невменяемости к метафизике свободы // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 35-53.
11. Франкл Д. Непознанное Я. М.: Прогресс, 1998. 245 с.
12. Brodsky J. Less than One: selected essays. N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 1986. 512 p.
13. Cromby J., Harper D., Reavey P. Some 'Culture-Bound Syndromes' // Psychology, Mental Health and Distress. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 55-75.

PROBLEM OF NUTRITION PHILOSOPHY METHOD: ARCHETYPAL HYPOTHESIS

Illarionov Grigorii Andreevich, Ph. D. in Philosophy
Siberian Federal University
Bromov1917@yandex.ru

The article deals with the problem of the methodology of nutrition philosophy as a possible meta-subject field of a complex study of food. Using the method of the structural analysis the author examines the primary variety of nutrition systems, in which a sustainable archetypal relation is singled out that consists in pre-rational symbolic identity of the absorbing and the absorbed. The above mentioned relation is considered as a possible methodological basis for research within nutrition philosophy.

Key words and phrases: social psychology of nutrition; semantics of nutrition; philosophy of nutrition; methodology of nutrition philosophy; system of nutrition; archetype.

УДК 930.1(09):329.021.3(571)

Исторические науки и археология

В статье с целью выявления степени влияния ленинской ссылки на создание марксистских кружков и партийных организаций в Сибири анализируется концепция возникновения социал-демократического движения в регионе, выделяются ее основные составляющие, прослеживается ее эволюция на разных этапах советской историографии. В ходе раскрытия темы обращено внимание на уровень доказательной базы прямого и косвенного участия В. И. Ленина в становлении местной социал-демократии, что позволило сделать вывод об идеологизированном характере данной концепции.

Ключевые слова и фразы: Ленин; ссылка; Сибирь; социал-демократы; советская историография; концепция; доказательная база; сакрализация личности.

Исачкин Сергей Павлович, д.и.н., доцент
Омский государственный университет путей сообщения
isachkinomsk@rambler.ru

РОЛЬ ССЫЛКИ ЛЕНИНА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ

В Советской исторической литературе имя основателя большевистской партии и первого в мире социалистического государства было обречено на сакрализацию. Изучение любой темы, как правило, начиналось с поиска цитат, реплик, высказываний великого Ленина, прямо или косвенно касавшихся ее содержания. Если таковые удавалось найти, то В. И. Ленин объявлялся первым марксистским исследователем изучаемого вопроса, а актуальность данной темы не подлежала сомнению.

В самом конце XIX в., отбывая срок ссылки в Енисейской губернии, В. И. Ленин отмечал, что «семена социал-демократических идей» заброшены и в Красноярск, где известна уже первая форма нелегальной литературы – рабочий листок [10, с. 188]. Покинув Сибирь, В. И. Ленин старался не терять прежних связей с пребывающими там революционерами. Обращаясь в феврале 1903 г. к Ф. В. Ленгнику, он указывал на возможность получать нужные материалы «от сидящих по ссылкам писателей, – чтобы поставить сотрудничество в “Искре” местных литераторов» [11, с. 274]. Эти фразы из работ В. И. Ленина, включенных впоследствии в полное собрание сочинений, стали поводом для изучения его влияния на формирование социал-демократии за Уралом.

В 20-х – начале 30-х гг. XX в. сложилась общая концепция возникновения социал-демократического движения в регионе. При этом подавляющее большинство историков подчеркивали определяющее значение в данном процессе двух факторов: наличия политической ссылки и образования с проведением Транссибирской магистрали местного железнодорожного пролетариата. Взаимодействие этих обстоятельств, как было